

О ТЮЛЬПАНАХ И НАРЦИССАХ: КАШМИРСКИЙ ДЖАННАТ НАЗИР КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ИМПЕРИИ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ¹

Маурья Анобути (а)

(а) Колледж Бхарати, Университет Дели, С-4, Dada Satram Mamtani Marg, Janakpuri, New Delhi,
 Delhi 110058, Индия. E-mail: anubhutamaurya@yahoo.com

Аннотация

В данной статье рассматривается возникновение и эволюция концепции Кашмира джанната назира (рая на земле) как литературного и политического образа при дворе Великих Моголов. Автор утверждает, что это представление о Кашмире при дворе Великих Моголов основывалось на более древних текстовых традициях, таких как литературные и исторические нарративы Кашмира, сборники арабских и персидских географических трактатов, составленных с начала IX века, путевые отчеты, сказания о чудесах и хроники дворов Газнавидов и Тимуридов. Этот образ возник как литературный в XVI веке, но в XVII в. он уже вошел в имперские хроники. К середине XVII в. подобные представления о Кашмире стали частью политического дискурса при дворе Великих Моголов, частью их языка суверенитета и неотъемлемой частью образа самоидентификации Великих Моголов. Эта статья помещает образ Кашмира как джанната назира в пространство политики эстетики, а также в политические методы управления в империи Великих Моголов.

Особое внимание автор уделяет механизмам формирования этого образа с помощью парковой архитектуры, т.е. практики «превращения» Кашмира в особый цветущий сад, что способствовало утверждению власти и могущества Моголов в этом регионе.

Ключевые слова

Кашмир, Двор Великих Моголов, имперские сады, джаннат назир, политический дискурс места

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Первоначальные версии этой статьи появились в виде докладов на семинарах в колледже Lady Shriram College, Delhi University и St Anthony's College, Oxford University. Печатная версия статьи впервые появилась в Economic & Political Weekly, Vol. 52, No. 15, 15 Apr, 2017, pp. 37-44. Профессор Анобути Маурья преподает историю в Bharati College и в настоящее время работает над монографией «Создание Могольского Кашмира: пространство, история и власть в ранний период Новой истории в Южной Азии». Редакция журнала благодарит профессора А. Маурья за предоставленную возможность перевести и опубликовать эту работу.

1. ВВЕДЕНИЕ

Для жителей Могольской империи слово «Кашмир» было достаточно выразительным. В придворной литературе – поэзии, путевых заметках и хрониках – он описывался как Кашмир *джаннат назир* (*Кашмир, подобный раю*) и *суба и дил назир* (*провинция, близкая к сердцу*). Можно подумать, что эти термины просто описывают необычную природу ландшафта Кашмира. Но для империи Великих Моголов кашмирский ландшафт играл центральную роль в отношениях между империей и регионом. Кашмирская Долина в Западных Гималаях располагалась за высокой стеной гор. Она образовывала северную границу империи, и там вопросы досягаемости, контроля и функционирования власти были важной проблемой. На протяжении XVI и XVII вв. в своде текстов могольского двора – хрониках, путевых отчетах, посланиях и административных документах – регион оказывался в центре внимания. Благодаря этим записям Кашмир из неисследованного региона на границах империи превратился в провинцию, известную в рамках имперской ойкумены.

Непрерывно, с конца XVI в., кашмирский пейзаж становился предметом литературных сочинений, особенно придворной поэзии Великих Моголов. Концепция Кашмира *джанната назира* возникла как литературный образ в этой поэзии конца XVI в. и претерпела изменения в течение XVII в. На протяжении этого периода дворцовая поэзия восхваляла пышную зелень, ручьи, источники, озера, изобилие цветов и фруктов, высокие горы и целебный климат Кашмира. К середине XVII в. сады, разбитые Могольскими элитами, – императорами, членами королевской семьи и двора, – стали синонимами чуда, источниками восхищения. Ландшафт долины теперь служил обрамлением для чудес Могольских садов. Эти сдвиги в литературном образе райского мира отражали меняющееся отношение между империей и ландшафтом Кашмира.

В этой статье я рассматриваю возникновение при дворе Великих Моголов концепции Кашмира *джанната назира* как литературного и политического символа. Я утверждаю, что концепция являла собой четкий образ региона. Он появился как литературный вымысел в конце XVI в., а в начале XVII в. он попал в императорские хроники. К середине XVII в. эта концепция стала частью политического дискурса и языка суверенитета Великих Моголов.

Литературные и политические представления о Кашмире при дворе Великих Моголов основывались на более древних текстовых

традициях, таких как литература и история Кашмира, сборники арабских и персидских географических трудов, составленные начиная с IX в., путевые отчеты, сказания о чудесах и хроники дворов Газнавидов и Тимуридов. К середине XVII в. при дворе Великих Моголов концепция Кашмира *джанната назира* представляла собой уже усвоенный набор культурных символов, которые продолжали создаваться и передаваться через визуальную и литературную среду.

Историография Кашмира в XVI и XVII вв. демонстрирует разделение аспектов власти Моголов в долине на две отдельные части – вопросы управления и вопросы досуга (Mattoo, 1988) (Kaw, 2001) (Bazaz, 1967, p. 21) (Parmu, 1969, p. 281) (Sufi, 1996) (Banzai, 1962). Королевские путешествия в Кашмир и пространственные практики Могольской элиты, такие, как строительство садов, рассматривались как акты досуга. В этом ракурсе функция Кашмира сводится к месту эстетического удовлетворения, как пространство, предназначенное для царского досуга.

В этой статье я утверждаю, что в Кашмире эстетические и литературные практики, акты досуга и удовольствия не были отделены от функционирования имперской власти. Эти практики были характерны для взаимодействия империи с Кашмиром и представляли собой ответ на эти запросы. Они свидетельствовали как об эффективности управления, так и о ритуалах суверенитета.

Далее, я утверждаю, что придворный образ Кашмира как *джаннат назира* было властным дискурсом. Он состоял из повествовательных и визуальных представлений, практики управления и тактильного опыта. Иными словами, идея Кашмира как «райского пространства» сформировала отношения между регионом и политическим миром двора Великих Моголов. Из пограничной области Кашмир стал центральным звеном могольских представлений о своем суверенитете и обустройстве своей власти.

2. РАССКАЗЫ О ЧУДЕСАХ

Кашмирская долина была в центре внимания в ряде арабских и персидских нарративов, таких, как арабские географические трактаты и рассказы «аджаиб»¹ IX и X вв., и дворцовая литература династий Газневидов и Тимуридов. В этих текстовых традициях Кашмир изображался как желанная, но недоступная страна, защищенная высокими горными стенами. Многие из этих текстов были

¹ ‘Аджаиб (‘Аджа‘иб) – рассказы о чудесах и диковинах мира (прим. редак.).

распространены при дворе Великих Моголов и повлияли на то, как в середине XVI в. двор начал воспринимать этот регион.

В период между IX и XV вв. Кашмир был частой темой в ряде арабских географических трудов¹(Ahmad, 1989) (Ahmad & Vano, 1984), а также в рассказах ‘аджаиб². В книге ‘*Ajaib i Hind* Нахуда Бузург ибн Шахрияра³ рассказы о Кашмире перемежались рассказами об обращении раджи в ислам (ibn Shahriyar al Ram Hurmuzi & Buzurg, 2000, p. 2)⁴ до описания ущелья между горами, в котором хранился большой запас бриллиантов несравненной красоты, защищенных кольцом огня, и до невидимой для человеческого глаза рыночной площади, где джинны собирались для покупок, продажи и сплетен (2000, pp. 2-3)⁵. Арабские географические трактаты и рассказы ‘аджаиб сформировали различные эпистемы литературы путешествий и различных миров (Zadeh, 2010) (Antrim, 2012). Эти рассказы были основаны на удаленности Кашмира от места рассказчика или читателя. В то же время, они наделяли регион рядом характеристик и делали его узнаваемым в более крупных географических пространствах. «Китаб фи тахкик ма ли-л-Хинд» Аль-Беруни и «Зафар-наме» Йазди были популярными текстами при дворе Великих Моголов.

«*Китаб аль Хинд*» Аль Беруни был написан при дворе Газневидов в XI в. Аль-Беруни посетил Индостан с армией Махмуда⁶. В своей пространной работе об Аль-Хинде Аль-Беруни дал подробное описание Кашмира. Он особо обращал внимание на два аспекта региона. Прежде всего это было географическое описание региона: маршруты и перевалы; основные виды транспорта; происхождение и течение рек Джайлам и Синд; город, который он назвал Кашмир

¹ Кашмир упоминается в ряде арабских географий. Среди них следует назвать Al Baladhuri (d 892), *Futuh al-Buldan*, Ibn Khurdadhbih (d 912), *Kitab al Masalik wa'l Mamalik*, Gardizi, *Zayn-ul Akhbar*, Al-Mas'udi (d 956), *Muruj al Dhahab*, Al-Idrisi (d 1156), *Kitab Nuzhat al-Mushtaq fi Khtiraq al-Afaq*.

² См. Дискуссию по поводу жанра ‘*Ajaib* в (Ahmed M. 2016) (Behl, 2006), (Zadeh, 2010).

³ Nakhuda Buzurg ibn Shahriyar – персидский путешественник, мореплаватель, писатель. Его перу принадлежит книга ‘*Ajayib i Hind* (Kitab Aja'ib al-Hind) – «Книга чудес Индии», которая представляет собой собрание различных рассказов арабских и персидских путешественников и мореплавателей в различные страны. В одном из подобных повествований рассказывается о поездке в Кашмир к одному из местных правителей, который тайно исповедовал ислам (прим. редактора).

⁴ Этот рассказ обычно классифицируют как «‘*ajajib*» потому, что этот конкретный текст датируют X в., что предшествует первому мусульманскому правителю Кашмира на несколько веков.

⁵ Интересно, что эта история пересказывается и более поздним автором Al Qalqashi (ум. 1418). Правда, в более поздней истории мы находим другие имена действующих лиц и другое название региона, обозначенного как Алор или Алуор. Относительно рассказа Al Qalqashi см.: (Zaki, 2009, pp. 51–52).

⁶ Речь идет про Махмуда Газневи – эмир государства Газневидов. Правил с 998 по 1030 гг. Совершил около 17 военных походов в Индию (прим. редактора).

(Сринагар) и прилегающие районы (Sachau, 2003, pp. 150-152). В своем обсуждении топографических особенностей Аль-Беруни особо подчеркивал изолированность региона.

Во-вторых, он писал о Кашмире как о важном центре санскритской учености с сильной независимой местной традицией. Хотя он соперничал с другими центрами и школами санскритского образования, по мнению Беруни, инновационный характер Кашмирской академии был связан с ее географической изолированностью (2003, pp. 87, 94, 123, 125 67).

«*Зафар-наме*» Йазди была написана в начале XV в. как хроника Сахиба и Кирана¹ Тимура. В «*Зафар-наме*» мы находим краткое упоминание о Кашмире. Описывались география и климат Кашмира, рассказывалось о некоторых поселениях, ручьях, растительности, фруктах и цветах, упоминался город Сринагар, по которому, как и по Багдаду, протекала река, над которой возвышалось множество мостов – как постоянных, так и временных, настеленных на лодки. Также были указаны дороги, ведущие в долину, хотя, как сообщал читателям текст, каждая из них была отмечена особым набором непреодолимых сложностей (Elias & Denison, 1973, p. 432). В этом трактате особо подчеркивалась труднодоступность региона, скрытого за высокими горами.

Эти тексты постулировали Кашмир как изолированное место. Парадоксально, но эта риторика, представленная в арабских географических трактатах, рассказах жанра *'аджаиб*, «Китаб аль-Хинд» Аль-Беруни и в персидских традициях тимуридского двора, черпала свои истоки в сообщениях странствующих путешественников и проводников торговых караванов. Кашмир появлялся в этих различных текстовых вымыслах из-за его важной роли в торговых сетях, религии и политике. Он располагался в стороне от традиционного Шелкового пути и был частью торговых сетей, которые простирались от Центральной Азии до Ладакха и доходили до Биджапура и Голконды в Декане. С конца XIII в. на его территории располагались ряд суфийских орденов, которые зародились в Центральной Азии и действовали в регионах Западных и Центральных Гималаев. Суфийские святые путешествовали между Балхом, Бадахшаном, Кашмиром, Киштаром, Ладакхом, Яркендом и Тибетом и имели тесные связи с Хармином² (Меккой и Мединой).

¹ Сахиба и Кирана (Сахиб Киран) – досл. «господин (благоприятного) сочетания» – эпитет Тимура, обозначающий, что Тимур родился под знаком благоприятного сочетания звезд (прим. редактора).

² Хармин (перс. *Харман*, араб. *Харамайн*) – обобщающий термин для городов Мекка и Медина. Харамайн – двойственное число от *харам* – «священное место» (прим. редактора).

В 1539-1540 гг., когда Хумаюн был окружен Шер-Шахом, он обратился за рекомендациями к своим советникам. Мирза Хайдар Дуглат¹ предположил, что следует завоевать Кашмир и что долина будет являться для императора безопасным убежищем (1973). Советники Хумаюна отвергли предложение Мирзы на том основании, что Кашмир изолирован и труднодоступен и что Хумаюн окажется там в ловушке. Эти споры и принятие решений при дворе Великих Моголов в середине XVI в. основывались на образе непримиримости, сформировавшемся на традициях старых текстов.

В 1540 г., когда Хумаюн искал убежища при дворе Сефевидов, Мирза Хайдар повел небольшой отряд в Кашмир. Выступая посредником в междоусобных распрях правящей элиты в регионе, Мирза смог установить контроль над этим регионом. В период своего десятилетнего правления в Кашмире он создает «Тарих-и Рашиди» (Anooshahr, 2014) (Faruqui, 2012)². Хотя текст лишь вкратце касался долины, описание Кашмира, сделанные Мирзой Хайдаром, разрушали привычный строй старых представлений об этой территории. Его рассказ о Кашмире выходил за границы региона, устанавливая эквивалентность, сравнение и современность происходящих там событий процессам и событиям в других частях Центральной и Южной Азии.

В конце XVI в., когда Акбар потребовал подчинения от кашмирских правителей, он сослался на завоевание Кашмира Хайдаром, сделанного от имени Хумаюна, как на основание для притязаний Моголов на Кашмир.

Эти дискуссии в арабских и персидских традициях повлияли на политические действия и интеллектуальные контакты с Кашмиром при дворе Акбара.

3. РАННИЕ ДИСКУССИИ О КАШМИРЕ ПРИ ДВОРЕ АКБАРА

В 1586 году, после ожесточенного сражения, армии Моголов вошли в Сринагар. Хотя окончательное установление власти Моголов в регионе заняло гораздо больше времени, имперские хроники

---

¹ Мирза Хайдар Дуглат (Дулати) был на службе у султана Саида Кашгарского. В 1533 г. он возглавил армию в успешном завоевании Кашмира, однако, вынужден был покинуть Кашмир и вернуться Кашгар по просьбе своей армии. После смерти султана Саид-Хана Мирза Хайдар потерял расположение двора. Он отправился в Кабул, где и присоединился к своему двоюродному брату Бабуру. После смерти Бабура он поступил на службу к Мирзе Камрану. Когда Хумаюн искал союзников, Мирза Хайдар присоединился к нему (прим. редактора).

² Исследователи анализируют *Тарих-и Рашиди* в более широком контексте политической идентичности моголов.

провозгласили вступление в Сринагар моментом завоевания Кашмира (Fazl, 1872, p. 774) (Ahmed N., 1992, p. 617). Завоевание и аннексия были актами территориальной экспансии, но в случае Кашмира земля была не просто местом битвы. В имперских нарративах даже сам ландшафт – гористая местность, трудные дороги и неблагоприятный климат – представлял собой вызов и должен был быть покорен.

Ранние описания Кашмира при дворе Акбара наводят на мысль об имперском центре, исследующем недавно завоеванную провинцию и постепенно устанавливающим над ней власть. Императорские хроники, такие как «Тарих-и Альфи» муллы Ахмада бен Насруллы Таттави, «Акбар-наме» и «Айн-и Акбари» Абу-ль Фазла и «Табакат-и Акбари» Низам-уд-дина Ахмада, представляют собой детальные статистические отчеты по региону. В этих хрониках, особенно в «Акбар-наме» и «Айн-и-Акбари» Абу-ль Фазла, рассуждения о Кашмире содержат этнографические заметки, краткую историю, географические подробности, описания обычаев, предания, рассказы о чудесах, теистических и философских традициях.

Эти отчеты о недавно завоеванной провинции были подготовлены в рамках многоуровневого процесса, который включал наблюдения и исследования региона, а также указания на связи с существующими интеллектуальными традициями в других регионах. В своих рассуждениях о Кашмире придворные летописцы опирались на арабские и персидские традиции, а также на труды предшественников Могольского правления, такие как «Тарих-и-Рашиди» Мирзы Хайдара. Они также основывались на региональных интеллектуальных традициях, как письменных, наподобие «Раджатарангини», так и устных.

В третьем *дафтаре*¹ «Айн-и-Акбари», в «Отчете о двенадцати провинциях» (*Ахвал-и-давазда-Субах*) (Fazl, 1872, pp. 562-589), Абу-ль Фазл дал подробный отчет о провинциях империи и о том, как они формировались на момент написания. Сведения о Кашмире в *Айне* можно разделить на три отдельные части. Прежде всего, это этнографическое и географическое описание региона. Вторая часть представлена в виде уведомлений, организованных в табличной форме – с перечислением доходов, доминирующих каст, численности кавалерии и пехоты каждого округа. В третьей части приводится краткая история региона.

¹ Дафтар (перс.) – «книга», «тетрадь», из арабского «дафтар», восходит к греческому «diphthera» -- «обложка», «сверток», «кожа». Но слово «дафтар» получило в ряде регионов Индии еще одно значение – «отчет», «кадастр», «папка сшитых вместе официальных документов» (прим. редактора).

Рассказ Абу-ль Фазла о Кашмире начинался с простого изложения фактов о климате региона, лучших маршрутах в долину и т.д. В процессе собирания сведений о различных местах Абу-ль Фазл записывал местные предания, которые, в некотором роде, определяли сакральную географию региона. *Айн* представляет нам описание домов, базаров, пищевых традиций, одежды и тканей, а также транспортных средств региона. Фазл отметил, что кашмирский язык является доминирующим языком региона, и что санскрит по-прежнему используется в литературе. Он заметил, что Кашмир имеет давнюю традицию обучения, но пренебрежительно отозвался о музыке региона. Он оставил комментарии о наличии различных религиозных групп. В работе имеется также подробное описание города Сринагара, с его длиной и шириной, основных отраслей и производств, указание местоположения, наличия воды в городе и т. д.

В третьей части своего описания Кашмира Абу-ль Фазл дает краткую справку по истории Кашмира. Этот синопсис, особенно касательно ранней истории региона, основывался на новом переводе *Раджатарангини*. Пересказ Фазля истории региона начинался с истории возникновения долины как большого озера, возникновения института царствования и завершался завоеванием армией Акбара.

Пересказывая вкратце историю Кашмира, Абу-ль Фазл рассказал об инцидентах, произошедших с несколькими правителями, позаимствовав при этом сведения из *Раджатарангини*. Эти правители были представлены как образцы хорошего и плохого царя. Но, что еще важнее, они формировали особую среду, с помощью которой Абу-ль Фазл излагал вопросы морали и добродетели в осуществлении царствования. Согласно ему, институт царствования, который в первоначальном нарративе возник из стремления к миру и справедливости, достиг кульминации в установлении над Кашмиром власти Акбара.

Хроники, созданные при дворе Великих Моголов в конце XVI в., в некотором смысле, создавали империю. С помощью описаний, помещенных в «дворцовых хрониках», образ Кашмир отошел от старых паттернов, ассоциируемых с замкнутостью и неизвестностью. Создавая краткие географические, этнографические и исторические отчеты о регионе, Абу-ль Фазль и другие придворные летописцы сделали Кашмир узнаваемым для двора, вписав его в пределы имперской ойкумены.

4. ВО СЛАВУ КАШМИРА

В то время, как придворные хроники собирали информацию о Кашмире, регион становился частью поэтических и литературных образов двора Великих Моголов. Концепция Кашмира как *джаннат назира* впервые зародилась в придворных литературных произведениях в конце XVI в.

Касыда Урфи Ширази, «Дар-Васф-и Кашмир» (Во славу Кашмира), начиналась словами:

Nar Sokhteh jani ke be Kashmir dar ayad

*Gar Murgh kabab ast ke ba-bal wa pur ayad*¹ (Shirazi, n.d., p. 31)

В этой касыде Урфи описал Кашмир как страну, своей красотой облегчающую душу и обладающую чудесной способностью омолаживать и оживлять.

Когда в 1589 г. Акбар отправился в Кашмир, вместе с ним отправился туда и прославленный придворный поэт Файзи². В своей касыде «*Дар Таусиф-и Кашир ва Тахният и Фатех ан ва Мадах-и Акбар Падишах*»³ Файзи описал превосходства региона и приветствовал его завоевание армиями Акбара. Он прославлял Кашмир как землю, особенно благословенную – как своей красотой, возрождающую душу, так и своей удачей, приведшей ее в благожелательные объятия Акбара Падишаха (Ashraf, n.d., p. 42)

В этой касыде Файзи описал Кашмир как «*аджаб карнамах и такдир*» – чудесное творение судьбы (n.d., p. 42). Концепция *та'джуб* (чуда, восхищения, удивления) оставалась важной частью реакции на Кашмир, но природа чуда изменилась: в традициях 'аджаиб IX-XI вв. беспокойство, вызванное недоступностью Кашмира, окруженного горами, выражалось в рассказах об опасности, скрывающейся за горными преградами. В поэзии могольского двора в конце XVI в. *та'джуб* был выражен красотой ландшафта Кашмира. Поэзия двора соткала из высоких гор, целебного климата, источников, ручьев и озер, зелени долины литературный образ райской красоты Кашмира.

В первой половине XVII в. Кашмир оставался отдельной темой придворной литературы. Большинство крупных придворных поэтов, такие, как Салим Техрани, Мохаммад Ян Кудси (ум. 1646), Талиб Амули (ум. 1652), Зафар-Хан Ахсан (ум. 1670), Мир Илахи (ум. 1653),

¹ «Каждая сгоревшая душа, пришедшая в Кашмир [возрождается] / даже курица, превращенная в шашлык, становится целой»

² Подробные сведения о Файзи см.: (Alam & Subrahmanyam, 2012) (Kinra, 2015).

³ Название этой касыды может быть переведено как «Описание Кашмира, Поздравление по случаю его завоевания и восхваление падишаха Акбара»

Тугра Машхади (ум. 1667-1668) и другие, имели в своем творчестве (Tikku, 1971, pp. 83–157) прекрасные стихи о Кашмире. Эти стихи все еще говорили о регионе в терминах *чуда*. Но теперь они выражали удивление садами и зданиями, построенными могольской элитой. Сады были описаны как райские, а ландшафт долины стал достойным фоном для этих имперских творений.

В связи с этим следует упомянуть и «Маджма' уль Афкар» – «собрание могольских инша» (Kinra, 2015, p. 186), датированное началом XVIII в. (Chander, 2009–2010, pp. 114-156). Оно представляло собой образцы плачей, элегий, поздравительных писем, соболезнований больным, хвалебных писем по случаю успешных построек покровителя, собраний, выигранных битв и т. д. Оно также содержало копии специальных официальных писем, таких, как письма Хумаюна Байрам-Хану, Джахангира шаху Аббасу и Шах-Джахана Мулле-Шаху¹. В этой коллекции *инша* был отдельный раздел о Кашмире. В него вошли отрывки из «Амль-и-Салиха» Мухаммада Салиха Камбоха, «Падишах-наме» Табатабая, длинный отрывок из *рисаля* Маулана Шайды и письмо Муллы Тугры Кази Захиду. Часть, принадлежащая перу Камбоха, была *сафар-наме* (путевой отчет) и описывала путешествие Шах-Джахана в Кашмир. Из «Падишах-наме» Табатабая в *Маджму* попало описание Сринагара. Другие разделы *Маджмы* содержали панегирик красоте региона и ироническое описание опасностей горных дорог. Эти отрывки делили литературный образ кашмирского «райского места» на несколько тем: путешествие в долину, труднодоступность, красота региона и чудеса сада.

Как уже говорилось, литературный образ Кашмира как *джаннат назира* возник в дворцовой поэзии Великих Моголов в конце XVI-начале XVII вв. В этот период поэзия и другие произведения двора Великих Моголов были посвящены ландшафту и природным особенностям региона. Но к середине XVII в. образ Кашмира как «райского места» был дополнен садами, разбитыми могольскими правителями.

Все эти различные нарративы, от придворных хроник до дворцовой поэзии, содержали многочисленные фантазии о Кашмире. Тексты конца XVI-начала XVII веков нанесли этот регион на карту, а также создали словарь, с помощью которого можно было говорить о нем, что сделало его частью дворцовой и общеимперской истории. Эти тексты были частью процесса установления власти Моголов в

¹ *Majma' ul Afkar*, Khudabakhsh Oriental Library, ms. HL 840. См. Chander Shekhar (2009–10), '*Hadis i Kashmir dar Nuskheh e Khatti Majma' ul Afkar' in Qand i Parsi*, Nos 47–48, pp 114–56.

регионе. В то же время они отражали беспокойство империи по поводу прочности своей власти в этой отдаленной провинции.

5. ТРЕВОГИ ИМПЕРИИ

В 12-м год своего царствования (1617 г.), во время своего путешествия по Гуджарату, Джахангир получил два различных сообщения из Кашмира, о чем он особо написал в своих воспоминаниях. В первом говорилось о рождении двух девочек в доме торговца шелком, они появились на свет с зубами и соединенными от спины до пояса. Жизнь этих сиамских близнецов была короткой (Hashim, 1940, p. 231).

В другом донесении императору сообщали о вспышке чумы в Кашмире. Регион был опустошен эпидемией. Джахангир подробно рассказал об этом недуге: в первый день человека мучила головная боль, его лихорадило и шла кровь из носа. На второй день больной умирал. Если кто-то из домочадцев заболел, за ним последуют все остальные обитатели дома. Любой, кто приблизится к больному или мертвому телу, будет заражен. Чума была смертельно опасна.

Один человек умер, и его тело положили на солому, чтобы обмыть. Случайно корова съела немного этой соломы и умерла. После этого несколько собак съели часть коровьего мяса, и все они умерли. Все стало так плохо, что ни отцы не приближаются к своим сыновьям из страха смерти, ни сыновья не приближаются к своим отцам. (Jahangir, 1999, p. 254)

Конец эпидемии ознаменовался таинственной цепочкой событий. Однажды утром, когда чума была в самом разгаре, люди в городе и его окрестностях проснулись и обнаружили символы, нарисованные на их дверях.

Три больших круга, один поверх другого, два средних и один маленький. Также было два пустых круга. (1999, p. 254)

После этого часть города, где зародилась чума, сгорела дотла. Огонь и появление этих символов ознаменовали спад эпидемии.

В этих записях о сообщениях из Кашмира Джахангир предстает перед нами в двух плоскостях: и как суеверный человек, и как ученый (Mottahedeh, 1997, p. 37).

Записи Джахангира об этих любопытных событиях были отмечены полнотой деталей и создавали параллели с его привычными регулярными наблюдениями природных и других явлений¹. В то же время Джахангир описывал эти события как странные или с оттенками ужаса (*граиб*) (Hashim, 1940, p. 252). Он заканчивает свое описание чумы и пожара словами, что эта история «не согласуется с канонами разума, и мой интеллект не может принять ее» (1940, p. 252).

Поразительно, что два инцидента, зафиксированные Джахангиром, дошли до него понаслышке, хотя и были переданы двору *ваки' нависом* (автором новостей)² из этого региона. Они достигли падишаха, когда он и его двор путешествовали по провинции Гуджарат. Все эти истории – рождение сиамских близнецов, появление странных символов в период катастроф – вызывали элементы фантастики и перекликались с жанром *'аджаиб ва граиб* (Zadeh, 2010) (Bates, 2005), (Ghadessi, 2011).

Ахмед Азиф полагает, что рассказы в жанре *'аджаиб и граиб*³ были характерными чертами пограничных земель – территорий, которые располагались на периферии больших империй, но занимали центральное место в их самосознании (Ahmed M., 2011)⁴.

Элементы фантастики в этих историях представляли собой отчетливую эпистему, которая усиливала дистанцию между *субой*⁵ Кашмира и двором падишаха. Она измерялась не в милях и метрах, а маркировала Кашмир как удаленное место, где может произойти необъяснимое и непознаваемое. Эти истории резко контрастировали с записями Джахангира о Кашмире. В «Джахангир-наме» описания и обсуждения региона были тщательно проанализированы с помощью методов исследования и наблюдения, т.е. знания Джахангира об этом регионе основывались на реально увиденном.

Эти же истории, напротив, являлись сообщениями. Появление их в *Tuzuk*⁶ отражало напряженность между множественностью представлений о Кашмире в имперских хрониках. В то время как

¹ По вопросу рационализма у Джахангира см.: (Koch, 2009) and (Lefevre, 2007).

² Ваки' навис – специальная должность при дворе Великих Моголов, также как и *акхбар навис*, *ваки' навис* должен был подавать новости падишаху и еще некоторым вельможам о происходящем в стране. Акхбар навис (от араб. *кхабар* – «знать») обязан был подавать официальную информацию, а ваки навис сообщал самые разнообразные новости в государстве, порой даже существующие на уровне слухов (прим. редактора).

³ У Манана Ахмеда «*'аджаиб и гараиб*» (прим. редактора).

⁴ Перевод данной работы на русский язык см. (Ахмед, 2019) (прим. редактора).

⁵ «Суба» (хинди) – «провинция» (прим. редактора).

⁶ *Tuzuk* – *Tuzuk-i-Jahangiri* (*Tuzuk-e-Jahangiri*) – автобиография Джахангир Шаха, известная также как *Джахангир-наме* (прим. редактора).

подробные сообщения в имперских летописях делали регион узнаваемым, расстояние между регионом и императорским двором вызывало беспокойство о контроле над ним.

6. ИМПЕРАТОРСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В КАШМИР

К началу XVII в. для императоров, членов семьи падишаха и двора стало установившейся практикой путешествовать в Кашмир. Эти императорские поездки в Кашмир были тесно переплетены с литературными образами Кашмира как *джаннат назира*. Акбар посещал Кашмир трижды (в 1589, 1593 и 1597 гг.). Джахангир, будучи императором, пять раз (в 1619, 1622, 1624, 1625 и 1627 гг.), а Шах-Джахан делал это столько же раз, если не больше. Во время своего пребывания в долине императоры посещали зрелища, знакомились с местными новинками, отправлялись на охоту. Они путешествовали по долине, в основном, по воде, сидя в специально сконструированных лодках, и разбивали лагерь в садах.

Во время своих трех поездок в Кашмир Акбар обследовал регион и определил некоторые места как значимые. Акбар разбивал лагерь и провел некоторое время в окрестностях озера Дал, около Шихабуддинпура¹, Ахвала², Вирнага³, у озера Вулар⁴ и в Пампоре⁵. В правление Джахангира императорский лагерь совершал более длительные и обширные путешествия и исследовал местные знания и природные явления. Джахангир приказал исследовать глубокие пещеры в Бурзахоме (Chadurah, 1991, pp. 12-13) и изучить лекарственные свойства шафрана (Jahangir, 1999, p. 433). В правление Шаха-Джахана императорские процессии следовали графику, установленному в предыдущие периоды. Первая поездка Джахана в Кашмир в качестве императора началась из Агры в феврале 1634 г. Он

¹ Шихабуддинпур – город к северу от Сринагара, расположенный на слиянии р. Витасты и реки Инд (называемой местными Синдху). Царь Шихабуддин (1354 – 73) основал этот город на этом месте в XIV веке. Абу-ль Фазл называет этот город Шадпур, теперь известен как Шадипур.

² Известный сегодня как Ачабал или Ачуал (Achhwal) – город, расположенный к югу от Сринагара. Он был известен своими родниками. С XVII в. вокруг этих источников было создано несколько садов. Регион получил название Сахибабад после того, как Джаханара заложил там сады.

³ Вернаг, известный также как Вирнаг, расположен к югу от Сринагара. Родник в Вернаге традиционно считается истоком реки Джелум. В XVII в. Джахангир превратил родник в небольшой пруд и разбил там сады. Шахджахан перестроил эти сады и дал этой области название Шахабад.

⁴ Озеро Вулар (Wular) расположено к северу от Сринагара. Оно играет важную роль в естественной гидрологии Кашмира и находится на пути течения реки Джелам по долине. В XV веке царь Заинул Абидин построил в середине озера остров, который назывался Заин Ланк.

⁵ В санскритских текстах Кашмира Пампоре назывался Падмапурой. Он известен своими полями шафрана в Кашмире.

отправился в путешествие по равнинам Северной Индии в Лахор, откуда начинался подъем в горы. Маршрут в долину был выбран таким образом, чтобы обеспечить прибытие в долину вовремя и увидеть весну и цветение местных растений. Император вернулся в Индостан после того, как все дары региона – от цветения весенних цветов до осеннего созревания шафрановых полей – были собраны. В то же время обратный путь нужно было совершить до того, как путников настигнут зимний холод и снег.

Во время правления Акбара императорские процессии объезжали регион, в основном, осматривая достопримечательности. Во времена правления Джахангира на ряде этих объектов началось строительство. Джахангир, например, разделил земли на берегах озера Дал между членами императорской семьи и знатью. Вдоль берега озера были разбиты сады.

К середине XVII века Кашмир стал действительно восхитительным. В отчетах об этих путешествиях Кашмирская земля больше не рассматривалась как удаленная. Напротив, акт ее посещения и осмотра был центральным в имперских отношениях с *джаннат назиром* Кашмира. Когда Шах-Джахан, например, отправился в Кашмир на 18-м году царствования (1645-1646 гг.), он настоял на том, чтобы Нусрат Юнг¹, который собирался заступить на свою должность в Декан, сопровождал его в долину. Лахори писал, что:

Поскольку Нусрат Юнг никогда не бывал в Кашмире, ему было приказано сопровождать правителя. Говорили, что он должен увидеть зеленеющую Долину, цветущие деревья и, насладившись прелестями Долины, вернуться в Декан (1868, р. 218).

Эта императорская директива предписывала Нусрату Юнгу наслаждаться Кашмиром, т.е. Т.е., сопровождая императора во время своего первого визита в эти края, он должен был продемонстрировать радость императору.

В 1639-1640 гг., во время посещения Долины, Шах-Джахан пригласил *ильчи* (эmissаров) из дворов Рума и Бухары посетить Кашмир (1868, р. 197). Эти эmissары стали зрителями особого представления могольского величия. В садах на берегу озера Дал за каскадами воды горели лампы, демонстрируя собой два символа

---

¹ Нусрат Юнг – Зульфикар Хан Нусрат Юнг (1657-1713) – знатный вельможа Могольского двора. Был назначен губернатором Декана (прим. редактора).

красоты, воду и свет, для создания праздничного зрелища. Лахори описывает это следующим образом:

Накануне 24-го (Раби уль-авваль), перед императорским гаремом, был отдан приказ украсить сады Фараха и Фаиза Бакша¹ – самых прекрасных мест в этом городе. От цветников до начала стены и до берега, в каждом из двух садов, по обе стороны от Шаха Нахара² и со всех сторон водоемов были размещены лампы. После этого к дереву через небольшие промежутки были привязаны разноцветные фонарики. За потоками каскадной воды, были расставлены лампы в мраморных подставках, создавая ощущение чуда. Император прибыл с севера, раздавая золотые монеты, служба бедным ... и до последнего пахара³ вечер проходил в удовольствиях, распространяемых повсюду в саду, после чего все вернулись в императорский дворец (1868, р. 199-200).

Путешествуя по Кашмиру, императоры постоянно меняли его ландшафт. В 1620 г., на обратном пути в Лахор, Джахангир был поражен красотой источника и водопада возле деревни Бахрамгала (Jahangir, 1999, р. 349). Он приказал соорудить смотровую площадку, на которой можно было сидеть и наблюдать за зрелищем. Надпись на камне отмечала дату его посещения. Эбба Кох говорит о практике Джахангира претендовать на природу как свою собственность, делая постоянный отпечаток на ней художественными средствами «с помощью архитектуры, скульптуры и надписей» (Koch, 2009, pp. 161-162). Присваивая себе природные объекты, Джахангир, по ее словам, выделял их «династическими отпечатками» (2009, р. 168). В более поздние периоды, когда Шах-Джахан посещал Долину, императорские хроники обсуждали место, построенное Джахангиром для просмотра водопада. Бахрамгала была отмечена императорским вмешательством в свое пространство.

¹ Фарах Бакш и Фаиз Бакш – части большого садового комплекса, называемого также Шалимар Багх. Сад Шалимар был построен по приказу императора Джахангира в 1619 г. для его любимой жены Нур Джахан. Сад расположен на террасах, протянувшихся с северо-востока на юго-запад. Своеобразной осью сада стал центральный канал, соединяющий водоемы сада с озером Дал (прим. редактора).

² Шах Нахар – центральный канал сада Шалимар – своеобразная ось, во круг которой и был разбит сад (прим. редактора)

³ Пахар (пехер) – традиционная единица времени в Северной Индии, равная трем часам. Сутки состояли из 8 пахаров. Слово *пахар*, вероятно, восходит к индийскому *пехра* – «стража» (ср. *пехредар* – стражник) (прим. редактора)

Императоры давали новые названия местам во время своего путешествия по долине, при этом новые имена заимствовались из особых событий или конкретного человека, связанного с присутствием Моголов в регионе. Инч был переименован в Исламабад. Шах-Джахан во время своего визита в Инч приказал уничтожить место паломничества (*зиярат*). Мир бахши Ислам Хан¹ получил эту территорию в *туул*² (Lahoti, 1868, pp. 47-48). Название Исламабад увековечило и имя человека, и событие.

Мачи Бхаван был отдан в качестве джагира Ямин уд-Дауле Асаф-Хану. Он провел обширное строительство в этом районе, построив резервуары, каналы и сады. Шах-Джахан переименовал место в Асафабад (1868, p. 50). Он также переделал сад, разбитый Джахангиром в Вирнаге, воздвиг павильоны, выходящие окнами в сад и прорыл каналы, по которым текли воды из источника в Вирнаге. Он дал этому саду имя Шахабад (1868, pp. 52-53).

Практика переименования маркировала пространство имперским присутствием, вмешательством и помещением в него своих приближенных. Она создала новые политические и культурные ассоциации между Кашмиром и империей Великих Моголов. Такие названия, как Исламабад и Шахабад, резонировали с другими местами империи. Сходство названий не указывало на сходство характеристик этих мест. Значение и важность этих имен можно было обнаружить только в рамках истории Великих Моголов. В то же время места в Кашмире по-прежнему продолжают сохранять старые и новые названия. На местном уровне история перестраивания этих мест Моголами оказалась связана с более старыми ассоциациями этого пространства.

Императорские поездки в Кашмир разрушили прежние представления об изолированности региона. Рассказы об этих путешествиях отражают восстановление чувства удивления, связанного с Кашмиром. Оно стало декорацией для имперских творений, в результате которых к середине XVII в. эти места начали восприниматься как райские.

---

¹ Ислам Хан – Шейх Алауддин Чисти – близкий друг и соратник Джахангира. Был губернатором (субухдар, назим) Бенгалии, отсюда его титул *мир бахши*. Шейх Алауддин был также прославленным генералом, и за свою преданность получил от Джахангира имя Ислам Хан (прим. редактора).

² Туул – т.е. джагир – лен (прим. редактора)

7. МОГОЛЬСКИЕ САДЫ КАШМИРА

Рассуждения о могольских садах Кашмира, в основном, вращались вокруг эстетических и визуальных практик двора Великих Моголов. Эти сады рассматривались как пространства, удаленные и изолированные от управления. Вместе с тем, можно сказать, что эти сады представляли собой особую практику организации пространства, с помощью которой власть империи Моголов встраивала в себя ландшафт Кашмира. Метафора рая на земле взывала к философскому идеалу благодатного могольского *бадшахи*¹. Сады стали пространством, где этот идеал был реализован на Земле. Планировка, расположение водных путей, выбор деревьев и растений, использование симметрии, а также дикой природы в этих садах составляли особый эстетический вокабуляр. Высокие горы служили фоном для этих садов, вода из родников, ручьев и рек направлялась в проходящие через них каналы, изливаясь фонтанами и собираясь в резервуары. В этих садах росли такие цветы, как *лале* (тюльпаны) и *наргис* (нарциссы), и такие деревья, как чинар, осина, тополь, яблоня и вишня.

Покровительство и участие в сооружении этих построек отражали соперничество в сферах власти Моголов. Они также представляли собой проникновение государства Моголов в локальные общественные пространства, народную память и местную политику. Эти сады использовались в имперских механизмах власти и времяпрепровождения. Со временем сады стали восприниматься как поселения, с такими названиями, как Зафарабад и Сайфабад.

Багх-и-Фаиз Бакш и Фарах Бакш, известные, как Шалимар Багх, были самыми знаменитыми садами Моголов. Район Шалимар, с его природным источником, расположенный на берегу озера Дал, был местом паломничества (Fazl, 1872, p. 366). Раджа Правар Сен, который считался основателем города Сринагара, первым разбил на этом месте сад. Хотя сад давно исчез, деревня, возникшая на этом месте, сохранила название Шалимар (Hasan, n.d., p. 286).

Распределяя землю вокруг озера Дал между придворными дворянами, Джахангир передал этот участок Шах-Джахану, с указанием построить сад на этом месте. Шах-Джахан назвал сад Багх-и-Фаиз Бакш. Сад был построен по принципу «горного сада», с террасами, организованными в трех отдельных частях. Самой высокой

¹ Бадшахи (урду) – «монарх», т.е. *падишах* или *падишах* (прим. редактора).

частью сада был сад *зенана*¹, который был устроен для уединения женщин дворца (Villiers-Stuart, 1913) (Ruggles, 2008). Вторая зона была предназначена для придворных. Третья, общественная, часть была заложена позже (2008, p. 216): в 1630-х гг. Шах-Джахан добавил еще один сад к существующему и назвал его Фарах Бакш. Это и была третья часть сада – общественная.

Лучшим из садов является Фарах Баки, который был построен по приказу императора. Цветущая земля этого сада подобна вечнозеленому раю; воды Шах-Нара, текущие по садам, напоминают воды Сальсабила и Каусара; плоды сада – самые вкусные в мире; здания дворцов похожи на безупречный рай. Архитектором этого чуда является император Сахиб-и-Киран Сани. (Lahori, 1868, p. 24).

Описание Лахори возвышало этот сад до подобиярая. Сахиб-и-Киран Сани, Шах-Джахан, спроектировал этот сад. Зелень сада, цветение цветов и великолепные здания напоминали образырая. Шах Нахр, канал, по которому текла вода из старого источника, сравнивался с Сальсабилем и Каусаром, источником и каналом, по которым вода текла через рай.

Хотя, по указанию Шах-Джаханана, эта часть берега озера Дал была преобразована в новое пространство, старое название «Шалимар» сохранилось и стало привычным для этих садов. Шалимар, или Шалимар Багх, проводил линию преемственности между царем, основавшим город Сринагар, и императором Великих Моголов, превратившим его в райские сады.

Со временем само слово «шалимар» стало нарицательным – синонимом садов Великих Моголов. Когда Шах-Джахан разбил сады в Лахоре, он назвал их Багх-и-Фаиз-Бакш и Фарах-Бакш. Они получили свою известность под именем Шалимар Багх. Точно так же через некоторое время Шалимар Багх появился в Дели во время сооружения Шахджаханабада². Повторение имени Шалимар в названии садов Моголов по всей Северной Индии вызывало в памяти сады Кашмира, а также образырая.

Итак, названия мест в Кашмире относятся к событиям и людям, связанным с присутствием Моголов в регионе. Измененные названия

¹ *Зенана* или *занана* – в Индии часть дома или домохозяйства, предназначенные для уединения женщин.

² В 1639 г. Шах-Джахан решил перенести столицу своей империи из г. Агры в Дели. Сооружение города было закончено в 1648 г. Его и называли Шахджаханабад, т.е. «Город Шаха-Джаханана», но вскоре его сын Аурангзеб снова перенес столицу в Агру (Акбарабад).

привносили присутствие Моголов в повседневное воображение этих мест, а также наполняли их историями других местностей. Когда такие названия, как Шалимар и Сахибабад, оказывались в других частях империи, они специально вызывали в памяти образы *джаннат назири* Кашмира. Этот образ к середине XVII в. стал частью имперского вокабуляра саморепрезентации.

Могольские сады Кашмира встраивали природу в тщательно продуманные пространства. При строительстве этих садов были существенно изменены местные географические особенности. Родники были обустроены, каналы прорыты, небольшие реки отведены. Эти сады стали также местами садоводческих экспериментов. Были пересажены различные растения, а фруктовые деревья, такие, как вишни, гуавы и яблоки, были привезены из других частей империи. В основе описания плодов Кашмира лежали тщательные записи о размере и качестве плодов, сравнивающие их с плодами из других провинций. Были внедрены новые методы садоводства, такие, например, как прививка.

Покровительство строительству зданий и садов было сферой конкуренции среди представителей власти. Во время своих путешествий из Агры в Лахор, а затем и в Кашмир, Шах-Джахан модифицировал или реконструировал ряд зданий и садов, разбитых Джахангиром. Его реконструкция в Вирнаге была лишь одним из примеров. Лахори пояснял, что творения Джахангира не были по вкусу Шаху-Джахану (Lahori, 1868, pp. 11-12). В сложной политике родословной и наследования, а также в стремлении маркировать свое наследие, изменение эстетических канонов стало предметом самовыражения и самореализации.

Когда Асаф-Хан построил примыкающий к Фаизу и Фараху Бакшу новый сад – Нишат-Багх, тот стал соперничать по красоте с садами Шах-Джахана. Рассказывают, что Шах-Джахан возжелал сад Асаф-Хана, но тот упорно не предлагал его в дар правителю. Капризный император приказал отключить подачу воды в сад (Villiers-Stuart, 1913, pp. 167-168). Конфликт в этом вопросе касался вопросов собственности – не только на землю, но и на чудесное творение.

Зафар-Хан «Ахсан»¹ в свой первый срок на посту губернатора Кашмира реконструировал зиярат в Задибале. В Задибале находилась дарга² Нурбахшийского святого мира Шамсы Ираки¹, являвшаяся

¹ Зафар-Хан «Ахсан» был назначен на пост губернатора Кашмира в 1633 г. (прим. редактора).

² Дарга – надгробие святого в исламе (прим. редактора).

местом поклонения шиитов долины. Он разбил на этом месте сад и дал ему название Хасанабад. Таким образом, эти сооружения Зафар-Хана ознаменовали вмешательство в местную политику региона, а его сад приобрел политическую и религиозную значимость. В 1635 г., когда в результате межконфессиональных конфликтов в Сринагаре вспыхнули беспорядки, Хасанабад был разграблен (Mattoo, 1988, pp. 150-151).

Джаханара Бегум² владела тремя садами в Кашмире: садом Джавахир Хана Хаджа Сара³ на острове в озере Дал, Багх-и-Нур Афшан⁴, заложенным Нур Джахан на берегах Джелама, и садом в Сафапуре, который первоначально был основан Мирзой Хайдаром (Lahori, 1868, p. 195). Джаханара разбила сад в своем джагире в Ахвале и переименовала его в Сахибабад, основываясь на своем титуле Бегум-Сахиб. Использование Джаханарой своего титульного имени в акте переименования сада было политическим жестом. Когда Джаханара Бегум разбивала сады в Чандни Чоук в Шахджаханабаде, она также дала им имя Сахибабад. Имя вписывало ее присутствие в очень публичное и городское пространство главной улицы столицы империи. Структура ее садов в Чандни Чоук напоминала кашмирские. Подобно тому, как она выражала свои права на сад в Ахвале, так и ее сад в Чандни Чоук указывал на ее притязания на власть.

Эстетические традиции создания садов в Кашмире были основаны на литературных образах Кашмира как *джанната назира*. Со временем, в поэзии двора, сады Моголов превратились в места райской красоты. Разбивая сады, могольская элита превращала Кашмир в особое пространство, вписывая власть Великих Моголов в местный ландшафт, встраивая ее в местную память и историю. Можно сказать, что создание садов было не просто знаком имперского

---

¹ Мир Шамс-уд-дин Мухаммад Ираки (1440–1515) был последователем суфийского ордена Нурбакши. Он первым начал проповедовать шиизм в Кашмире, создав там суфийскую ханаку (обитель), которую позднее уничтожил правитель Кашмира Мирза Мухаммад Хайдар. О его встречах с Мухаммадом Ираки есть упоминания в его «Тарих-и-Рашиди» (прим. редактора).

² Принцесса Джаханара Бегум была старшей и одной из самых любимых дочерей Шаха-Джахана. Во время его затчения Аурангзебом она добровольно отправилась за своим отцом и продолжала заботиться о нем до самой его смерти (прим. редактора).

³ Джавахир Хан Ходжа Сара (ходжасара) – влиятельный евнух при дворе Моголов. Он был назир – управляющий при дворе. Пользуясь своим влиянием, Джавахир Хан создал великолепный сад на острове в центре оз. Дал (прим. редактора).

⁴ Существует несколько садов с названием Багх-и-Нур Афшан. Один из них старейший в Индии сад был разбит в Агре еще Бабуром. Он называется Арам Багх (Рам Багх), и с ним связано множество дворцовых историй. Любимая жена Джахангира Нур Джахан, увлекавшаяся садами, перестроила его и назвала Багх-и-Нур Афшан, т.е. «сад излучающий свет» или «сад сияющего света». Тем самым она изменяла не только сам сад, но и его название *Гуль Афшан* – «Сад, брызжащий цветами». Еще один великолепный сад с таким же названием был заложен ею в Кашмире на реке Джелам (прим. редактора).

контроля. Сады были частью пространственной практики империи, с помощью которой она территориально закреплялась в отдаленной провинции Кашмир.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С самых ранних упоминаний о Кашмире регион пробуждал связанное с ним чувство исключительности. Повествовательные традиции Кашмира периода раннего средневековья наполняли его ландшафт сакральностью. Может показаться, что идея священной земли перешла в метафору Кашмира как *рая* в традициях Великих Моголов в ранний период истории Нового времени (Zutshi, 2014).

Я считаю, что обращение к образам *рая* в повествованиях о Кашмире было не просто описательным приемом, так же, как и не было продолжением старого представления о Кашмире, как о священной земле. Кашмирский *джаннат назир* был особым литературным и политическим образом, который возник в конце XVI в. при дворе Великих Моголов и развивался в течение всего XVII в. Это был дискурс власти, который формировал институты управления и пространственную практику империи. В свою очередь, эти практики территориально встраивали империю Моголов в пространство региона.

Кашмир не был обычной пограничной областью, не был ни проницаемым, ни подвижным. Напротив, Кашмир – *джаннат назир* был закрытой границей, местом, где заканчивались путешествия. Образ Кашмира – *рая на земле* – стал одним из способов выражения имперской власти на пограничных землях.

Кашмир остается для нас сегодня значимым словом – как место соперничества национализмов, политической борьбы, глубоких страданий и страха. По иронии судьбы, этот Кашмир оказывается рядом с сильной визуальной памятью о Небесной земле (Kabir, 2009)¹. Можно сказать, что, хотя ландшафт долины зарождался в разных дискурсивных традициях, наше сегодняшнее его восприятие берет свое начало в очень специфичном могольском образе Кашмира как *джаннат назира*.

¹ Исследователь подробно обсуждает противоречивые, но в тоже время смежные политические и общественные дискурсы, в которых Кашмир выступает как «Территория Желания».

Список литературы

- Ahmad, S. M. (1989). *Arabic Classical Accounts of India and China*. Shimla: Indian Institute of Advanced Studies.
- Ahmad, S. M., & Bano, R. (1984). *Historical Geography of Kashmir*. New Delhi.
- Ahmed, M. (2008). The Many Histories of Muhammad bin Qasim: Narrating the Muslim Conquest of Sindh. *Unpublished PhD thesis*. University of Chicago.
- Ahmed, M. (26 March 2011 г.). Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic & Political Weekly*, XLVI(13), 60-65.
- Ahmed, M. (2016). *A Book of Conquest: The Chachnama and Muslim Origins in South Asia*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Ahmed, N. (1992). *The Tabaqat i Akbari, A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty Eighth Year of the Reign of Akbar, tr B N De (reprint)*. Delhi: Low Price Publication.
- Alam, M., & Subrahmanyam, S. (2012). *Writing the Mughal World*. Ranikhet: Permanent Black.
- Anooshahr, A. (2014). Mughals, Mongols and Mongrels: The Challenge of Aristocracy and the Rise of the Mughal State in the Tarikh i Rashidi. *Journal of Early Modern History*(18), 559–577.
- Antrim, Z. (2012). *Routes and Realms: The Power of Place in the Early Islamic World*. New York: Oxford University Press.
- Ashraf, A. D. (Ред.). (n.d.). *Diwan i Faizi*. Lahore: Idarah Tahqiqat Pakistan, Danishgah i Punjab.
- Bamzai, P. N. (1962). *A History of Kashmir: Political, Social and Cultural, from the Earliest Times to the Present Day*. Delhi.
- Bates, A. (2005). Good, Common, Regular and Orderly: Early Modern Classifications of Monstrous Births. *Social History of Medicine*, 18(2), 141-158.
- Bazaz, P. N. (1967). *Kashmir in Crucible*. Delhi.
- Behl, A. (2006). The Magic Doe: Desire and Narrative in a Hindavi Sufi Romance, circa 1503. In R. M. Eaton, *India's Islamic Traditions* (pp. 711–750). Delhi: Oxford University Press.
- Bernier, F. (1992). *Travels in the Mogul Empire, AD 1656–1668*. (V. A. Smith, Ed., & A. Constable, Trans.) Delhi.
- Bokhari, A. (2009). Gendered 'Landscapes': Jahanara Begum's (1614–80) Patronage, Piety and Self-Representation in 17th Century Mughal India. *Unpublished PhD Dissertation*. University of Vienna.
- Chadurah, H. M. (1991). *History of Kashmir*. (R. Bano, Ed.) Delhi.

- Chander, S. (2009–2010). Hadis i Kashmir dar Nuskheh e Khatti Majma' ul Afkarin Qand i Parsi. *Nos 47–48*.
- Cox, W. (2013, April–June). Literary and Historical Consciousness in Kalhana: A Hypothesis. *ndian Economic and Social History Review*, 50(2), <https://doi.org/10.1177/0019464613487097>.
- Elias, N., & Denison, E. R. (1973). *Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia*. Patna.
- Farooque, A. K. (1977). *Roads and Communications in Mughal India*. Delhi: Idarah i Adabiyat i Dehli.
- Faruqui, M. (2012). *The Princes of the Mughal Empire, 1504–1719*. New York: Cambridge University Press.
- Fazl, A. A. (1872). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. Blochmann, Ed.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Fazl, A. A. (2001). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. S. Jarrett, Trans.) Delhi: Low Price Publication.
- Fazl, A. A. (2005). *Ain i Akbaried Sir Syed Ahmad*. Aligarh: Sir Syed Academy.
- Ghadessi, T. (2011). Inventoried Monsters. *Journal of the History of Collections*, 23(2), 267–281.
- Hasan, K. P. (n.d.). Tarikh i Hasan, Srinagar: Research & Publication Division. *J&K Archives Vol s I*.
- Hashim, M. (Ed.). (1940). *Gurgani, Nuruddin Mohammad Jahangir Jahangirnama*. Tehran: Intesharat Bunyad Farhang i Iran.
- ibn Shahriyar al Ram Hurmuzi, & Buzurg, N. (2000). *Ajaib i-Hind*. (M. M. Zadeh, Trans.) Tehran.
- Jahangir. (1999). *Jahangirnama: Memoirs of Jahangir, Emperor of India*. (W. M. Thackston, Trans.) New York.
- Kabir, A. J. (2009). *Territor y of Desire: Representing the Valley of Kashmir*. Ranikhet: Permanent Black.
- Kaw, M. A. (2001). *The Agrarian System of Kashmir, 1586–1819 AD*. Srinagar.
- Kinra, R. (2015). *Writing Self, Writing Empire: Chander Bhan Brahman and the Cultural World of the Indo-Persian State Secretary*. Oakland: University of California Press.
- Koch, E. (1997). “The Mughal Waterfront Garden” in Attilio Petruccioli, *Gardens in the Times of Great Muslim Empires*. Leiden, New York: E. J. Brill.
- Koch, E. (2001). *Mughal Art and Imperial Ideology*. New Delhi: Oxford Universit y Press.
- Koch, E. (2006). *The Complete Taj Mahal and the Riverfront Gardens of Agra*. London: Thames & Hudson.

- Koch, E. (2007). Middle East Garden Traditions: Unity and Diversity: Questions, Methods and Resources in a Multicultural Perspective, Michael Conan (ed), Volume 31, Dumbarton Oaks Colloquium on the History of Landscape Architecture. *My Garden Is Hindustan: The Mughal Padshah's Realization of a Political Metaphor*.
- Koch, E. (2009). Jahangir as Francis Bacon's Ideal of the King as an Observer and Investigator of Nature. *Journal of Royal Asiatic Society*, 19(3), 293-338
<https://doi.org/10.1017/S1356186309009699>.
- Kumboh, M. S. (1959). *Shahjahnama, also known as Amal i Salih*. Lahore.
- Lahori, A. H. (1868). *Badshahnama* (Vol. II). (M. K. Ahmad, & M. A. Rahim, Eds.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Lefevre, C. (2007). Recovering a Missing Voice from Mughal India: The Imperial Discourse of Jahangir (r. 1605–1627) in his Memoirs. *Journal of Economic and Social History of the Orient*, 50(4), 452-489.
- Majma' ul Afkar. (n.d.). Khudabakhsh Oriental Library. *ms, HL 840*.
- Mattoo, A. M. (1988). *Kashmir under the Mughals 1586–1752*. Srinagar.
- Moin, A. A. (2012). *The Millennial Sovereign*. NYC: Columbia University Press.
- Mottahedeh, R. P. (1997). Ajaib in the Thousand and One Nights. In R. G. Hovannisian, & G. Sabagh (Eds.), *The Thousand and One Nights in Arabic Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parmu, R. K. (1969). *History of Muslim Rule in Kashmir*. Delhi.
- Prasad, I. (1956). *Life and Times of Humayun*. Calcutta.
- Rogers, A. (2003). *The Tuzuk i Jahangiri or Memoirs of Jahangir*. (H. Beveridge, Ed.) New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers.
- Ruggles, D. F. (2008). *Islamic Gardens and Landscapes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sachau, E. C. (Ed.). (2003). *Al Beruni's India*. New Delhi: Indialog Publications.
- Shahbadi, M. M. (1974). *Raj Tarangini [Tarikh i Kashmir]*. (S. Afaqi, Ed.) Rawalpindi.
- Shirazi, U. (n.d.). *Kulliyat Urfi Shirazi, (ed), Jawahari, Kitabkhana e Shinasi*.
- Shulman, D. (2013). Preface: Kalhana's Rajatarangini: What Is It? *Indian Economic and Social History Review*, 50(2).
- Sufi, G. M. (1996). *Kashir, Being a History of Kashmīr from the Earliest Times to Our Own*. New Delhi.

- Tikku, G. L. (1971). *Persian Poetry in Kashmir 1339–1846: An Introduction*. Los Angeles: University of California Press.
- Villiers-Stuart, C. M. (1913). *The Gardens of the Great Mughals*. London.
- Zadeh, T. (2010). The Wiles of Creation: Philosophy, Fiction and the ‘Aja’ib Tradition. *Middle Eastern Literatures*, 13(1), 527-556
<https://doi.org/10.1080/14752620903566095>.
- Zaki, M. (Ed.). (2009). *Arab Accounts of India (During the Fourteenth Century)*. Delhi.
- Zutshi, C. (2014). *Kashmir’s Contested Pasts: Narratives, Sacred Geographies and the Historical Imagination*. Delhi: Oxford University Press.
- Ахмед, М. (2019). Зеркало Адама: фронтир в имперском воображении. *Журнал Фронтирных Исследований* (1), 83-101.
<https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>

OF TULIPS AND DAFFODILS: KASHMIR JANNAT NAZIR AS A POLITICAL LANDSCAPE IN THE MUGHAL EMPIRE¹

Anubhuti Maurya (a)

(a) Bharati College, Delhi University. C-4, Dada Satram Mamtani Marg, Janakpuri, New Delhi, Delhi 110058, India E-mail: anubhutimaurya@yahoo.com

Abstract

This article examines the emergence and evolution of the concept of Kashmir jannat nazir as a literary and political imaginary in the Mughal court. The author argues that this imaginary of Kashmir in the Mughal court drew upon older textual traditions like the literature and histories from Kashmir, corpora of Arab and Persian geographies compiled from the ninth century onwards, travel accounts, wonder tales and the chronicles of the Ghaznavid and Timurid courts. It emerged as literary imaginary over the sixteenth century. Through the seventeenth century it had entered into the imperial chronicles. By the middle of the seventeenth century, this imagination of Kashmir became a part of the political discourse in the Mughal court, part of their language of sovereignty and integral to the Mughal self-image. This article locates the imaginary of Kashmir Jannat Nazir within the politics of aesthetics as well as the politics of governance in the Mughal Empire.

A special attention the author pays to the mechanism of realization of this politics with the help of Garden architecture. The Gardens were a part of the spatial practice of the Mughal Empire, by which imperial authority was territorialised in the distant province of Kashmir.

Keywords

Kashmir, Mughal court, Imperial Gardens, jannat nazir, political discourse of places

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Earlier versions of this article were presented at seminars in Lady Shriram College, Delhi University and St Anthony's College, Oxford University. Anubhuti Maurya teaches history at Bharati College, Delhi University and is currently working towards completing her book, *The Making of Mughal Kashmir: Space, History and Authority in Early Modern South Asia*. As a print version, it was published in: *Economic & Political Weekly*, Vol. 52, No. 15, 15 Apr, 2017, pp. 37-44.

References

- Ahmad, S. M. (1989). *Arabic Classical Accounts of India and China*. Shimla: Indian Institute of Advanced Studies.
- Ahmad, S. M., & Bano, R. (1984). *Historical Geography of Kashmir*. New Delhi.
- Ahmed, M. (2008). The Many Histories of Muhammad bin Qasim: Narrating the Muslim Conquest of Sindh. *Unpublished PhD thesis*. University of Chicago.
- Ahmed, M. (2016). *A Book of Conquest: The Chachnama and Muslim Origins in South Asia*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Ahmed, M. (2019). Adam's Mirror: the Frontier in the Imperial Imagination. *Journal of Frontier Studies*, (1), 83-101. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2019-10006>
- Ahmed, M. (26 March 2011 г.). Adam's Mirror: The Frontier in the Imperial Imagination. *Economic & Political Weekly*, XLVI(13), 60-65.
- Ahmed, N. (1992). *The Tabaqat i Akbari, A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty Eighth Year of the Reign of Akbar, tr B N De (reprint)*. Delhi: Low Price Publication.
- Alam, M., & Subrahmanyam, S. (2012). *Writing the Mughal World*. Ranikhet: Permanent Black.
- Anooshahr, A. (2014). Mughals, Mongols and Mongrels: The Challenge of Aristocracy and the Rise of the Mughal State in the Tarikh i Rashidi. *Journal of Early Modern History*(18), 559–577.
- Antrim, Z. (2012). *Routes and Realms: The Power of Place in the Early Islamic World*. New York: Oxford University Press.
- Ashraf, A. D. (Peд.). (n.d.). *Diwan i Faizi*. Lahore: Idarah Tahqiqat Pakistan, Danishgah i Punjab.
- Bamzai, P. N. (1962). *A History of Kashmir: Political, Social and Cultural, from the Earliest Times to the Present Day*. Delhi.
- Bates, A. (2005). Good, Common, Regular and Orderly: Early Modern Classifications of Monstrous Births. *Social History of Medicine*, 18(2), 141-158.
- Bazaz, P. N. (1967). *Kashmir in Crucible*. Delhi.
- Behl, A. (2006). The Magic Doe: Desire and Narrative in a Hindavi Sufi Romance, circa 1503. In R. M. Eaton, *India's Islamic Traditions* (pp. 711–750). Delhi: Oxford University Press.
- Bernier, F. (1992). *Travels in the Mogul Empire, AD 1656–1668*. (V. A. Smith, Ed., & A. Constable, Trans.) Delhi.

- Bokhari, A. (2009). Gendered 'Landscapes': Jahanara Begum's (1614–80) Patronage, Piety and Self-Representation in 17th Century Mughal India. *Unpublished PhD Dissertation*. University of Vienna.
- Chadurah, H. M. (1991). *History of Kashmir*. (R. Bano, Ed.) Delhi.
- Chander, S. (2009–2010). Hadis i Kashmir dar Nuskheh e Khatti Majma' ul Afkarin Qand i Parsi. *Nos 47–48*.
- Cox, W. (2013, April–June). Literary and Historical Consciousness in Kalhana: A Hypothesis. *ndian Economic and Social History Review*, 50(2), <https://doi.org/10.1177/0019464613487097>.
- Elias, N., & Denison, E. R. (1973). *Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia*. Patna.
- Farooque, A. K. (1977). *Roads and Communications in Mughal India*. Delhi: Idarah i Adabiyat i Dehli.
- Faruqui, M. (2012). *The Princes of the Mughal Empire, 1504–1719*. New York: Cambridge University Press.
- Fazl, A. A. (1872). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. Blochmann, Ed.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Fazl, A. A. (2001). *Ain i Akbari, Vol II*. (H. S. Jarrett, Trans.) Delhi: Low Price Publication.
- Fazl, A. A. (2005). *Ain i Akbaried Sir Syed Ahmad*. Aligarh: Sir Syed Academy.
- Ghadessi, T. (2011). Inventoried Monsters. *Journal of the History of Collections*, 23(2), 267–281.
- Hasan, K. P. (n.d.). *Tarikh i Hasan*, Srinagar: Research & Publication Division. *J&K Archives Vol s I*.
- Hashim, M. (Ed.). (1940). *Gurgani, Nuruddin Mohammad Jahangir Jahangirnama*. Tehran: Intesharat Bunyad Farhang i Iran.
- ibn Shahriyar al Ram Hurmuzi, & Buzurg, N. (2000). *Ajaib i-Hind*. (M. M. Zadeh, Trans.) Tehran.
- Jahangir. (1999). *Jahangirnama: Memoirs of Jahangir, Emperor of India*. (W. M. Thackston, Trans.) New York.
- Kabir, A. J. (2009). *Territor y of Desire: Representing the Valley of Kashmir*. Ranikhet: Permanent Black.
- Kaw, M. A. (2001). *The Agrarian System of Kashmir, 1586–1819 AD*. Srinagar.
- Kinra, R. (2015). *Writing Self, Writing Empire: Chander Bhan Brahman and the Cultural World of the Indo-Persian State Secretary*. Oakland: University of California Press.
- Koch, E. (1997). "The Mughal Waterfront Garden" in *Attilio Petruccioli, Gardens in the Times of Great Muslim Empires*. Leiden, New York: E. J. Brill.

- Koch, E. (2001). *Mughal Art and Imperial Ideology*. New Delhi: Oxford University Press.
- Koch, E. (2006). *The Complete Taj Mahal and the Riverfront Gardens of Agra*. London: Thames & Hudson.
- Koch, E. (2007). Middle East Garden Traditions: Unity and Diversity: Questions, Methods and Resources in a Multicultural Perspective, Michael Conan (ed), Volume 31, *Dumbarton Oaks Colloquium on the History of Landscape Architecture. My Garden Is Hindustan: The Mughal Padshah's Realization of a Political Metaphor*.
- Koch, E. (2009). Jahangir as Francis Bacon's Ideal of the King as an Observer and Investigator of Nature. *Journal of Royal Asiatic Society*, 19(3), 293-338
<https://doi.org/10.1017/S1356186309009699>.
- Kumboh, M. S. (1959). *Shahjahanama, also known as Amal i Salih*. Lahore.
- Lahori, A. H. (1868). *Badshahnama* (Vol. II). (M. K. Ahmad, & M. A. Rahim, Eds.) Calcutta: Asiatic Society of Bengal.
- Lefevre, C. (2007). Recovering a Missing Voice from Mughal India: The Imperial Discourse of Jahangir (r. 1605–1627) in his Memoirs. *Journal of Economic and Social History of the Orient*, 50(4), 452-489.
- Majma' ul Afkar. (n.d.). Khudabakhsh Oriental Library. *ms, HL 840*.
- Mattoo, A. M. (1988). *Kashmir under the Mughals 1586–1752*. Srinagar.
- Moin, A. A. (2012). *The Millennial Sovereign*. NYC: Columbia University Press.
- Mottahedeh, R. P. (1997). Ajaib in the Thousand and One Nights. In R. G. Hovannisian, & G. Sabagh (Eds.), *The Thousand and One Nights in Arabic Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parmu, R. K. (1969). *History of Muslim Rule in Kashmir*. Delhi.
- Prasad, I. (1956). *Life and Times of Humayun*. Calcutta.
- Rogers, A. (2003). *The Tuzuk i Jahangiri or Memoirs of Jahangir*. (H. Beveridge, Ed.) New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers.
- Ruggles, D. F. (2008). *Islamic Gardens and Landscapes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sachau, E. C. (Ed.). (2003). *Al Beruni's India*. New Delhi: Indialog Publications.
- Shahbadi, M. M. (1974). *Raj Tarangini [Tarikh i Kashmir]*. (S. Afaqi, Ed.) Rawalpindi.
- Shirazi, U. (n.d.). *Kulliyat UrfiShirazi, (ed), Jawahari, Kitabkhana e Shinasi*.

- Shulman, D. (2013). Preface: Kalhana's Rajatarangini: What Is It? *Indian Economic and Social History Review*, 50(2).
- Sufi, G. M. (1996). *Kashir, Being a History of Kashmīr from the Earliest Times to Our Own*. New Delhi.
- Tikku, G. L. (1971). *Persian Poetry in Kashmir 1339–1846: An Introduction*. Los Angeles: University of California Press.
- Villiers-Stuart, C. M. (1913). *The Gardens of the Great Mughals*. London.
- Zadeh, T. (2010). The Wiles of Creation: Philosophy, Fiction and the 'Aja'ib Tradition. *Middle Eastern Literatures*, 13(1), 527-556
<https://doi.org/10.1080/14752620903566095>.
- Zaki, M. (Ed.). (2009). *Arab Accounts of India (During the Fourteenth Century)*. Delhi.
- Zutshi, C. (2014). *Kashmir's Contested Pasts: Narratives, Sacred Geographies and the Historical Imagination*. Delhi: Oxford University Press.